

7. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л.: Гослитиздат, 1940. С. 674.
 8. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. С. 94-106.
 9. Якобсон Р. Заметки о прозе поэта Пастернака / Пер. с нем. О. А. Седаковой // Якобсон Р. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 324-339.
 Jakobson R/ Appasia: metaphoric and metonymic poles // Cuningham L. Problems of Style. London, 1973. P. 262-265.

**ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА
 ФЕДУЛЕНКОВА —**
 доцент кафедры английского языка
 финансового факультета ТГУ,
 кандидат филологических наук

УДК 820-3.18:830-3.18:839.7-3.18

**ПРОБЛЕМА ОБЩЕГО
 И СПЕЦИФИЧЕСКОГО
 В СОМАТИЧЕСКОЙ
 ФРАЗЕОЛОГИИ,
 ОСНОВАННОЙ НА СИНЕКДОХЕ
 (на материале английского,
 немецкого и шведского языков)**

АННОТАЦИЯ. Преобладание общих черт в изучаемых фразеологизмах позволяет установить пять групп синекдохических фразеологических единиц (далее ФЕ) с характерным для каждой из этих групп видом переосмысления и типом фразеологического значения. Общность изучаемых ФЕ проявляется и в единстве актуализируемой семы соматизма. Специфические черты изучаемых ФЕ отражаются в семи типах межъязыковых фразеологических соответствий.

The article presents the results of the research of somatic phraseological units (PhUs) based on synecdoche in three Germanic languages. The prevalence of common features of the PhUs under study enables me to find out five groups of somatic idioms with the peculiar kinds of meaning transference and types of phraseological meaning. The community manifests itself in the unity of the realized somatic semes. Seven types of interlingual correlations reflect the specificity of idioms.

Целью предлагаемой работы является определение общих и специфических черт фразеологических единиц, содержащих соматический компонент и основанных на синекдохе, в трех германских языках. Актуальность работы определяется нерешенностью данной проблемы.

Семантические трансформации, основанные на синекдохе, характеризуются переносом наименования отдельной части предмета или явления на целое или, наоборот, наименование целого переносится на его часть. В роли ядерных компонентов таких фразеологизмов чаще всего используются со-

матизмы hand – Hand – hand, eye – Auge – öga, ear – Ohr – öra, nose – Nase – näsa, реже – tongue – Zunge – tunga. Универсальность характера ассоциативной связи «часть тела — субъект» подтверждается наличием в изучаемых языках ряда тождественных либо находящихся в отношениях межъязыковых вариантов соматических ФЕ, основанных на синекдохе:

англ. «stood... a man in grey who, *to an educated eye*, looked not quite unlike the man who had been sweeping St. Edmund Street». (K. Amis. «The Alteration», p. 173)

нем. «... dies Wort Stalins ... war ein *für deutsche Ohren* tröstliches, ermutigendes Wort». (W. Bredel. «Die Enkel», s. 592)

швед. «... det var naturligtvis inte så svårt *för elak tunga*...» (B. Runeborg. «De bländade», s. 257)

Большинство фразеологизмов этой группы представляют собой двухвершинные структурные образования: глагольно-субстантивные ФЕ, адъективно-субстантивные и нумеративно-субстантивные ФЕ.

Глагольно-субстантивные синекдохические фразеологизмы характеризуются однолитеральным номинативным константно-вариантно-переменным значением: (а) англ. see with one's own eyes, нем. mit eigenen Augen sehen, швед. se med egna ögon – видеть своими собственными глазами, лично; (б) англ. hear with one's own ears, нем. mit (seinen) eigenen Ohren hören, швед. höra med sina egna öron – слышать своими собственными ушами, самолично; (в) англ. do with/by one's own hand(s), нем. mit eigener Hand machen, швед. göra med egen hand – делать собственноручно, самому.

В плане межъязыковых отношений ФЕ немецкого и шведского языков ряда (а) являются морфологическими вариантами вследствие различного морфологического оформления адъективного компонента, ФЕ английского языка, имея к тому же расширенный компонентный состав, являются их межъязыковым морфолого-квантитативным вариантом. Все ФЕ ряда (б) являются межъязыковыми морфологическими вариантами, в немецком языке имеется также их морфолого-квантитативный вариант. В ряду (в) ФЕ немецкого и шведского языков являются лексико-морфологическими вариантами, в английском языке им соответствует лексико-морфолого-квантитативный вариант.

Все перечисленные ФЕ отличаются параллельной структурно-семантической организацией: во-первых, они построены по идентичной грамматической модели V + Prep + (θ's) + Adj + Nsom, где переменный компонент θ's является обязательным элементом структуры для ФЕ английского языка и факультативным для ФЕ немецкого и шведского языков; во-вторых, они обнаруживают общность семантического содержания, основанного на преобразовании значения прототипа ФЕ по идентичной семантической модели: «адекватное органу чувств действие + соматизм → осуществлять действие лично, самому». Следовательно, можно говорить о межъязыковой фразеологической модели, в которой между грамматической структурой модели, или комплексом грамматических констант, и семантическим содержанием, или семантическими константами, возникает внутренняя закономерная зависимость как частное проявление всеобщего закона взаимообусловленности формы и содержания.

Усиление семантической константы, выражающей самостоятельность действия, происходит за счет характера построения структурной модели, и прежде всего, путем введения переменного компонента, выраженного притяжательным местоимением. Наиболее слаба эта тенденция в

шведском языке, где переменный компонент (*sina*) является факультативным, следовательно, повышается устойчивость фразеологической единицы:

швед. «*Med egna ögon* hoppades han träffa på det grovt rubbade». (L. Ahlin. «Fromma mord», s. 18)

«Jag hör nu *med mina egna öron*, att du är den bästa spelmannen i Värmland, sade hon». (S. Lagerlöf. «En saga om en saga», s. 120)

«... han hade *med egen hand* stöttat upp narcisserna...» (A. Strindberg. «I varbrytningen», s. 83)

Семантическая трансформация всего компонентного состава фразеологических единиц этой группы связана с актуализацией функциональной семы соматизма: компоненты *eye* — *Auge* — *öga* и *ear* — *Ohr* — *öra* актуализируют сему *organ of the sense* — *Sinnesorgan* — *känselforgan*, компонент *hand* — *Hand* — *hand* актуализирует сему *organ of work* — *Organ der Tätigkeit* — *organ för att arbeta*.

Особую группу глагольно-субстантивных синекдохических ФЕ составляют фразеологизмы типа англ. *change hands* — перейти к другому владельцу, *join hands* — действовать сообща, *force somebody's hand* — принудить кого-л. к действию; нем. *die Hände mit etwas beschmutzen* — запятнать себя, *die Hände weglassen* — оставить в покое, *jemandem in die Hände geraten* — попасться кому-л.; швед. *binda någon händer* — лишить возможности действовать свободно, стеснить, *gåka i händerna på någon* — оказаться во власти кого-л.

Особенностью рассматриваемой группы двухвершинных фразеологических единиц является тот факт, что семантико-структурное объединение их компонентов сопровождается синекдохическим сдвигом значения соматического компонента и метафорической трансформацией значения несоматического компонента. Например, в межъязыковых морфологических вариантах нем. *seinen Augen nicht trauen*, швед. *inte tro sina ögon* и их лексико-морфолого-квантитативном варианте англ. *not to believe one's own eyes* (не верить своим глазам) соматизм *eyes* — *Augen* — *ögon*, претерпевая синекдохические изменения в значении, обозначает целое, частью которого является, что, в свою очередь, подтверждается метафорическим сдвигом компонента *believe* — *trauen* — *tro*:

англ. «*Am I to believe my own eyes or not?*» (B. Shaw. V. 1. «The Man of Destiny», p. 712)

нем. «*Und Maud sah — sie traute ihren Augen nicht — daß ein zerlumptes Weib mit zerfetztem Kittel und vor Wut schielenden Augen einen Stein aufhob*». (B. Kellerman. «Der Tunnel», s. 195)

швед. «*Att hon såg er hand i hand på Djurgården i somras, när jag var kvar i Bretagne. Hon trodde inte sina ögon*». (B. Bergström. «Det gåtffulla barnet», s. 189)

Подобные рассуждения справедливы и в отношении ФЕ — межъязыковых морфологических вариантов с соматизмом *ear* — *Ohr* — *öra*: нем. *seinen Ohren nicht trauen*, швед. *inte tro sina öron* и их межъязыкового лексико-морфологического варианта англ. *not to believe one's ears*, построенных по идентичной фразеологической модели, что и предыдущие ФЕ, т. е. имеющих в качестве комплекса грамматических констант структуру *Prtc + V + θ's + Nsom* и в качестве комплекса семантических констант — семантическую модель: «отрицание доверия + соматизм → изумляться чему-л.»

Аналогия в формировании образной основы и в семантических преобразованиях компонентного состава наблюдается в ряду ФЕ с соматизмом *eyes*

— Augen — ögon, где англ. come to one's eyes и швед. komma för någons ögon (попасться кому-л. на глаза) являются лексико-морфологическими вариантами, их соответствие нем. jemandem vor Augen kommen — морфолого-синтаксическим вариантом по отношению к ФЕ шведского языка и лексико-морфолого-синтаксическим вариантом по отношению к ФЕ английского языка. Фразеологическая модель данной группы ФЕ характеризуется комплексом грамматических констант V + Prep + θ's + Nsom и комплексом семантических констант «глагол движения + соматизм → быть полученным в качестве информации».

Значительную по объему и частотности группу изучаемых фразеологизмов представляют адъективно-субстантивные синекдохические ФЕ с компонентом hand — Hand — hand, комплексом грамматических констант которых является структура (d) + Adj + Nsom, комплекс семантических констант представлен семантической моделью «наименование признака + соматизм → качественная характеристика субъекта» (ср. с русск. волосатая рука — «влиятельный человек»): англ. a cool hand — беззастенчивый человек, наглец, a loose hand — распущенный, беспринципный человек, a numb hand — растяпа, неуклюжий, неловкий человек, an odd hand — человек, выполняющий случайную работу, a heavy / high hand — властный, повелительный человек, нем. eine glückliche Hand — везучий человек, eine lange Hand — человек, обладающий властью, большими полномочиями, eine leichte Hand — не больно бьет, eine lockere / lose Hand — скор на руку, человек, дающий волю рукам, eine schwere Hand — тяжелая рука; швед. en full hand — щедрый человек, en hjälpsam hand — помощник, en ren hand — честный человек, en säker hand — верный, надежный человек.

Таким образом, для рассматриваемой группы ФЕ характерна серийность, структурно-семантическая моделируемость. Тем не менее межъязыковые соответствия в ней немногочисленны, что свидетельствует о большой степени самостоятельности формирования ФЕ данной группы в каждом из изучаемых языков: (а) англ. an open hand, нем. eine offene Hand, швед. en öppen hand — щедрая рука; (б) англ. someone's right hand, нем. jemandes rechte Hand, швед. någons högra hand — чей-то первый помощник, правая рука. Как в ряду (а), так и в ряду (б) все ФЕ представляют собой межъязыковые морфологические варианты вследствие различий в морфологическом оформлении адъективного компонента:

англ. «...his secretary was his *right hand*». (Longman. P. 145)

нем. «Vierzehn Mitglieder der Bande wurden festgenommen, unter ihnen der «Lange», ein Deutscher, *die rechte Hand* des Bandenführers». (W. Bredel. «Ein neues Kapitel», s. 231)

швед. «Nej! Du skall bli min *högra hand*...» (A. Strindberg. «Mäster Olof», s. 35)

Наиболее широко представлены ФЕ рассматриваемой группы в английском языке, причем особенно распространены фразеологизмы с семантической константой «оценка опыта субъекта»: a bad / poor hand — неумелый, неопытный, слабый в чем-л., a fresh / green hand — неопытный работник, новичок, a crack hand — мастер что-л. делать, a good / great hand — искусный в чем-л.

Анализ данной группы ФЕ показывает, что семантические трансформации всего компонентного состава основаны, главным образом, на «производительной» семе соматического компонента: organ of work, action — Organ der Tätigkeit, der Herstellung — verktyg för att arbeta, verksamhetorgan.

Одной из наиболее частотных групп изучаемых фразеологизмов являются нумеративно-субстантивные синекдохические ФЕ, представляющие собой двухвершинные структурные образования: (а) англ. *at first hand*, нем. *aus erster Hand*, швед. *ur första hand* — непосредственно, из первых рук, (б) англ. *at second hand*, нем. *aus zweiter Hand*, швед. *ur andra hand* — из вторых рук, понаслышке, (в) англ. *at third hand*, нем. *aus dritter Hand*, швед. *ur tredje hand* — из третьих рук.

Рассматриваемые обороты представляют собой серию межъязыковых морфологических и лексико-морфологических вариантов фразеологических единиц с ядерным компонентом *hand* — *Hand* — *hand*. Грамматическая модель *Prep + Num + Nsom* определяет каркас внутреннего контекста этих ФЕ, мотивация же этого каркаса осуществляется посредством другой части фразеологической модели, т. е. комплексом семантических констант «наименование порядка, очередности + соматизм → качественная характеристика источника получения чего-л.»:

англ. «He understood that it was hard *at second hand* to make men realise the state of things in that distant land». (W. S. Maugham. «The Explorer», p. 55)

нем. «Was sind das alles für Reden, Genossen, was für Vermutungen *aus zweiter Hand*, wo ich selbst von der Zentrale komme». (F. Wolf. «Floridsdorf», s. 50)

швед. «... och med jämna mellanrum erhöill er underrättelser *ur andra hand*...». (S. Arner. «Tvärbalk», s. 279)

В данном случае происходит актуализация семы соматизма *holding organ* — *Organ des Haltens* — *verktyg för att hålla*.

В немецком и шведском языках имеются тождественные нумеративно-субстантивные ФЕ со значением «с глазу на глаз, наедине», не имеющие структурно-семантического аналога в английском языке:

нем. «... und *unter vier Augen* mit Ihnen zu sprechen...». (Th. Mann. «Lotta in Weimar», s. 122-123)

швед. «Hon gjorde något med händerna som antagligen avsåg att påminna mig om vad hon hade sagt *mellan fyra ögon*». (L. Ahlin. «Stora glömskan», s. 223)

Небольшая часть синекдохических фразеологических единиц в изучаемых языках представлена одовершинными предложно-субстантивными оборотами, являющимися полностью переосмысленными ФЕ с целостным и разделительно-целостным номинативным константно-вариантно-переменным значением: англ. *by hand* — с посыльным, нем. *an jemandes Hand* — под руководством кого-л., швед. *för hand* — от руки. Лишь немногие ФЕ этой группы являются эквивалентными, как, например, межъязыковые морфологические варианты англ. *in one's eyes*, нем. *in seinen Augen*, швед. *i någons ögon* — в чьих-л. глазах, по чьему-л. мнению:

англ. «*In her eyes* Alec had everything; he was the right age for me, he had 'position', character, good looks...». (L. R. Banks. «Children at the Gate», p. 60)

нем. «Sie sind ein Verräter *in seinen Augen*, ein Defätist». (A. Seghers. «Die Entscheidung», s. 97)

швед. «*I hennes ögon* var han redan författare fast han ännu inte hade lyckat få någon bok antagen». (L. Ahlin. «Jungfrun i det gröna», s. 18-19)

Внутриязыковые морфолого-синтаксические варианты рассматриваемых фразеологических единиц английского и шведского языков, различаясь в межъязыковом плане предложным компонентом и морфологическим оформлением соматизма, являются межъязыковыми лексико-морфологическими вариантами: англ. *in the eyes of somebody*, швед. *i ögon på någon*; эквивалент-

тная им фразеологическая единица немецкого языка *in den Augen + Gen*, является их морфолого-синтаксическим вариантом, что объясняется типологическими особенностями немецкого языка:

англ. «... it might 'lower our prestige' *in the eyes of* all these messy foreigners». (R. Aldington. «Death of a Hero», p. 330)

нем. «... daß das nichts Gewöhnliches war, jedenfalls nicht *in den Augen* ihrer Kinder». (B. Brecht. G. W. 11, Prosa 1, s. 316)

швед. «Den store måste framstå stor *i ögon* på massans». (L. Ahlin. «Bark och löv», s. 321)

Фразеологическая единица данной группы англ. *at somebody's hands* имеет эквивалентную ФЕ, представляющую собой ее межъязыковой лексико-морфологический вариант, лишь в шведском языке — *för någons hand*:

англ. «Jane, if aid is wanted, I'll seek it *at your hands* ...». (Ch. Bronte. «Jane Eyre», p. 233)

швед. «Om han ändå hade skrutit mindre — om han hade låtit vara att lofva så stort, att Storbjörnen skulle dö *för hans hand*...». (P. Molin. «Samlade skrifter», s. 148)

Образные основы каждой из двух рассмотренных параллелей фразеологизмов едины и формируются на функциональном семантическом признаке соматизмов соответственно: в первом случае — *organ of sight* — *Sehorgan* — *synorgan*, во втором случае — *organ of work* — *vertyg för att arbeta*.

Немногочисленная, но довольно частотная группа синекдохических фразеологических единиц имеет предположно-субстантивную структурную организацию, усиленную редупликацией соматического компонента: англ. *from hand to hand*, нем. *von Hand zu Hand*, швед. *från hand till hand*. Эти ФЕ представляют собой обороты с частично переосмысленным двулитеральным константным значением и являются межъязыковыми тождествами, поскольку демонстрируют полное совпадение аспектной организации и совокупного значения:

англ. «All the performers seemed to regard the play as an amusing little toy to be tossed *from hand to hand*». (J. B. Priestley. «It's an Old Country», p. 18)

нем. «Das Bild wird bestaunt werden wenn es in Archangelsk oder in Philadelphia *von Hand zu Hand* wandert». (W. Bredel. «Ein neues Kapitel», s. 222)

швед. «... och lät det gå *från hand till hand*...». (S. Trenter. «Tragiskt telegram», s. 237)

Семантическая трансформация компонентного состава этих ФЕ сопровождается актуализацией семы соматизма *holding organ* — *Organ des Haltens* — *verktyg för att hålla*.

ВЫВОДЫ:

1. Синекдохическое переосмысление компонентного состава соматических ФЕ трех изучаемых языков характеризуется преимущественно переносом наименования отдельной части (соматизма) на целое (субъект).

2. Общность структурных и семантических черт соматических ФЕ изучаемых языков дает возможность установить пять групп синекдохических ФЕ с характерным для каждой из них видом переосмысления и типом фразеологического значения:

(1) глагольно-субстантивные синекдохические ФЕ — частично переосмысленные ФЕ, ФЕ с частично переосмысленным однолитеральным номинативным константно-вариантно-переменным значением;

(2) адъективно-субстантивные синекдохические ФЕ — полностью переосмысленные ФЕ, ФЕ с разделительно-целостным номинативным константно-вариантным значением;

(3) нумеративно-субстантивные синекдохические ФЕ, вводимые предлогом, – частично переосмысленные ФЕ, ФЕ с частично переосмысленным двулитеральным номинативным константно-вариантным значением;

(4) предложно-субстантивные синекдохические ФЕ – полностью переосмысленные ФЕ, ФЕ с целостным и разделительно-целостным номинативным константно-вариантно-переменным значением;

(5) предложно-субстантивные синекдохические ФЕ с редупликацией соматического компонента – частично переосмысленные ФЕ, ФЕ с частично переосмысленным двулитеральным константным значением.

3. Изучаемые ФЕ проявляют единство по виду семы соматизма, актуализируемой в той или иной группе синекдохических трансформаций семантики:

а) сема *organ of work* – *Organ der Tätigkeit* – *verktyg för att arbeta* актуализируется в группах ФЕ (1), (2), (4), (5);

б) сема *holding organ* – *Organ des Haltens* – *verktyg för att hålla* актуализируется в группах ФЕ (3), (4), (6);

в) сема *organ of the senses* – *Sinnesorgan* – *känselforgan* актуализируется в группах ФЕ (1), (4), (5).

Таким образом, семантическая трансформация синекдохических ФЕ изучаемых языков опирается в подавляющем большинстве случаев на актуализацию функциональных сем соматизма.

4. Исследуемый материал позволяет выявить пять идентичных фразеологических моделей образования синекдохических ФЕ в каждом из сопоставляемых языков с их грамматическими и семантическими константами:

а) $V + \text{Prep} + (\theta's) + \text{Adj} + \text{N}_{\text{som}}$

адекватное органу чувств действие + соматизм →
осуществлять действие лично, самому

б) $\text{Prtc} + V + \theta's + \text{N}_{\text{som}}$

отрицание доверия + соматизм → изумляться чему-л.

в) $V + \text{Prep} + \theta's + \text{N}_{\text{som}}$

глагол движения + соматизм → быть полученным в качестве информации

г) $(d) + \text{Adj} + \text{N}_{\text{som}}$

наименование признака + соматизм → качественная характеристика субъекта

д) $\text{Prep} + \text{Num} + \text{N}_{\text{som}}$

наименование порядка, очередности + соматизм →
качественная характеристика источника получения чего-л.

5. Специфика изучаемых ФЕ сопоставляемых германских языков послужила основой определения семи типов их межъязыковых соответствий:

1) межъязыковые морфологические варианты – 45,6%, 2) межъязыковые лексико-морфологические варианты – 36,8%, 3) межъязыковые лексико-морфолого-квантитативные варианты – 3,5%, 4) межъязыковые морфолого-квантитативные варианты – 3,5%, 5) межъязыковые морфолого-синтаксические варианты – 5,3%, 6) межъязыковые лексико-морфолого-синтаксические варианты 3,5%, 7) межъязыковые лексико-квантитативные варианты – 1,8%.

НАДЕЖДА ПЕТРОВНА

БЕРЛИНА —

доцент кафедры французской филологии
факультета
романо-германской филологии ТГУ

УДК 804. 0-3

**ОБ ОДНОМ
ИЗ МЕХАНИЗМОВ СОЗДАНИЯ
НЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ
СОВРЕМЕННОГО
ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА
(на материале верлана)**

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются механизмы создания неологической лексики современного французского языка, определяется статус аргот и субстандартной лексики и взаимодействие этих регистров с нормативной речью.

The author considers how neologisms enter the bulk of the French language vocabulary, defining the status of argot and substandard words, and analysing the interrelation of these registers with the normal vocabulary codes.

В настоящее время французские лингвисты говорят о большом притоке неологизмов, сравнивая современную ситуацию с XVI веком, когда также отмечалась большая активность инновационных процессов. Среди этого потока новых слов значительную часть составляет англоязычная, субстандартная лексика и арготизмы, которые все более присутствуют в языке прессы, рекламы и художественной литературы, легко проникают в нормативный язык и как вульгаризмы не воспринимаются.

Все это говорит о том, что в наши дни роль и статус аргот и субстандартной лексики изменились. Действительно, в последнее время аргот сделало шаг от кодированного языка изолированной социальной группы к знаку принадлежности к тому или иному микросоциуму, чаще всего интеллектуальному (*français branché*), стало знаком разрыва с языком старого поколения и признается серьезными лингвистами источником инновационных процессов в лексике [1]. Таким образом, с одной стороны, наблюдается активизация взаимодействия между различными аргот и кодифицированной, нормативной речью и, с другой — довольно четко просматривается тенденция к стиранию границ между различными слоями разговорного языка (фамильярной речью, просторечием, аргот) [2]. В результате, в публичных выступлениях и в письменных текстах вполне официального характера обнаруживаются языковые единицы, пришедшие из сниженных регистров устной речи, повышается социальный ранг целых пластов арготической лексики и профессионализмов, которые уже не воспринимаются как нечто чуждое литературному языку. Присутствие таких единиц в речи политиков старого

поколения, таких как Ф. Миттеран или В. Жискар Д'Эстен, доказывает, что они воспринимаются как вполне допустимые в высказываниях культурного человека и позволяют избежать речевого конформизма и штампов. Кроме того, они информативно более емкие и привлекают внимание слушателей или читателей своей неординарностью. Подобные неологизмы часто становятся смысловыми центрами в газетных заголовках, рекламных слоганах и нагружены лингвострановедческой информацией.

Субстандартные лексические единицы обладают специфическими чертами, которые можно выявить при их сопоставлении с элементами литературного стандарта. При таком сопоставлении прежде всего обращает на себя внимание искусственная криптология, приемы сокрытия формы, различного рода деформации означающего, восходящие к верлану и другим видам кодированных аргю, таких как *louchébet* и *javonais*, которые заключаются в трансформации слов нормативного языка или субстандартных лексем по определенным правилам [3]. Таким образом, актуальным становится накопление информации о данных процессах и анализ неологических элементов в словообразовательных и функциональных аспектах. Такой анализ проливает свет на специфику способов производства новых слов в области арготической и, шире, неологической лексики вообще, что создает базу для создания навыка ее декодирования и семантизации в тексте.

В настоящее время одним из самых распространенных способов кодирования слов и живым поставщиком новой лексики является один из видов криптологических аргю — верлан (*verlan*), или *langue à l'envers* — язык наоборот. Этот вид аргю существует с XV века, до нас дошли отдельные лексемы этого периода, в основном это имена собственные и топонимы (*Bonbur*<*Bourbon*, *Lontou*<*Toulon*). Верлан возрождается в послевоенные годы и становится особенно активным в период подъема молодежного движения в шестидесятые годы в среде студентов и подростков, начинает широко использоваться в песенном творчестве молодежного кумира Рено. Современные исследователи отмечают его необыкновенную продуктивность в девяностые годы, когда верланизованная лексика стала использоваться средствами массовой информации, рекламой, интеллектуалами старшего поколения. Лингвисты уже дали название этому способу деформации — верланизация (*verlanisation*), существует и глагол — верланизировать (*verlaniser*) [4]. Способ заключается в инвертированной перестановке слогов, при этом выделяется несколько видов верланизации, для односложных слов их по крайней мере три. При открытом слоге происходит простое изменение порядка фонем: *fou*>*ouf*, *feu*>*euf*, *chier*>*iéche*. При закрытом слоге односложное слово преобразуется в двусложное, т. е. прибавляется конечный гласный [oe], а затем верланизируется: *mère*>*méreu*>*reum*, *punk*>*punkeu*>*keuron*. В ряде случаев односложные лексемы с закрытым слогом преобразуются по модели слов с открытым слогом, т. е. производится простая перестановка фонем: *muscle*>*sclum*.

Иногда при верланизации происходит усечение конечной гласной: *femme*>*femmeu*>*meufa*>*meuf*, *flic*>*flikeu*>*keufli*>*keuf*. Для двусложных слов характерно преобразование порядка слов исходного слова — "второй вместо первого", если слоги открытые: *taxi*>*xita*, *café*>*féca*, *branché*>*chébran*, *cablé*>*bléca*, *jobard*>*barjo*. В нашем материале это наиболее распространенный вид деформации, он составляет примерно 50% от всей выборки.

После верланизации двусложных слов также возможно усечение конечных гласных: *SIDA*>*DASI*>*DAS*, *maquereau*>*кромa*>*кром*. По нашим наблюдениям, реже всего подвергаются верланизации трехсложные слова, но и

этот вид деформации дает, по меньшей мере, четыре модели. Наиболее продуктивна модель $С_{\lambda_2} С_{\lambda_3} С_{\lambda_1}$, когда первый слог становится последним: cigarette>garetsi. Существуют также модели $С_{\lambda_3} С_{\lambda_2} С_{\lambda_1}$ — calibre>brélica, $С_{\lambda_2} С_{\lambda_1} С_{\lambda_3}$ — président>siprédent. Реже всего встречаются преобразования по модели $С_{\lambda_3} С_{\lambda_1} С_{\lambda_2}$ — enculé>léancu.

В результате таких трансформаций слово приобретает необычную форму, привлекающую внимание звуковую оболочку. Верланизованная лексика продуцируется прежде всего в молодежной среде и выражает желание обособиться от старшего поколения "... специфической манерой речи и выразить протест против неестественного языка взрослых, на котором уже никто не говорит" [5].

Таким образом, на периферии языка наблюдается активизация еще одного способа создания новых слов, который, наряду с другими инновационными процессами, становится поставщиком неологизмов в современном французском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Walter H. Où commencent les innovations lexicales // Langue française. 1991. № 90. P. 53-64.
2. Sourdou M. Argot, jargon, jargot // Langue française. 1991. № 90. P. 13-26.
3. Подробнее об этом см.: Calvet L.-J. Argot. Paris: PUF, 1994. P. 57- 59.
4. Там же. С. 60.
5. Чекалина Е. М. Язык современной французской прессы. Л.: Изд.-во ЛГУ, 1991. 137 с.

**ЗОЯ МИХАЙЛОВНА
ВЕТЧИНКИНА** —
доцент кафедры
немецкой филологии факультета
романо-германской филологии ТГУ,
кандидат филологических наук

УДК 803.0-5 + 808.2-5

О ВЫРАЖЕНИИ ПЛАНА НАСТОЯЩЕГО В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (опыт сопоставительного изучения)

АННОТАЦИЯ. В статье предпринимается попытка сопоставительного изучения семантических функций плана настоящего и описания его выражения в неродственных языках — немецком и русском — с учетом видовременных и модальных отношений. Устанавливаются возможные функциональные и формальные соответствия/несоответствия временных планов в обоих языках, вскрываются причины несовпадений.

The article is an attempt to compare the study of the semantic function of the present and the description of its expression in the German and in the Russian Languages with a view of their tense, aspect and modal relations. The author